

Пролог

Июль 1820 года

Ни для кого не секрет, что в Лондоне можно найти любой порок, только надо знать, где искать. Мрачные трущобы Сент-Джайлса — как раз то самое место.

Жестокий поединок между двумя уличными борцами в грязном подвале трактира уже начался. Симпатии публики были явно на стороне широкоплечего коротышки ирландца, коренного обитателя Сент-Джайлса, известного своей нечестной борьбой. Но здесь это только приветствовалось. Его противника, устрашающего вида африканца, темного и огромного, толпа освистывала. Весь подвал был забит подозрительными личностями, которые, заплатив за вход фартинг, жаждали возместить расход, заключая пари.

Стены подвала пропитались отвратительным смрадным духом, представлявшим собой смесь застоявшегося табачного дыма, пролитого пива и высушенного пота. К утру к этому амбре мог добавиться еще резкий запах свежeproлитой крови.

Один из зрителей с нездоровым бледным одутловатым лицом, не настолько высокий, чтобы наблюдать за борьбой поверх голов столпившихся вокруг людей, настойчиво пробивался вперед. Время от времени он вставал на цыпочки, пытаясь увидеть

борщов, затем продолжил поиски места, дающего хороший обзор. В конце концов он устроился у стены напротив ведущей наверх лестницы.

— Пять фунтов на Мура, — сказал он стоящему рядом высокому парню в поношенной одежде ломового извозчика.

Высокий вынул из зубов сигару и пустил колечко дыма.

— Большинство ставят на ирландца.

Новоприбывший, мистер Фиппс, с ним не согласился:

— Эти ирландцы идиоты. Посмотрите на Мура — сплошные мышцы, длинные руки и такая ярость! Он способен побить дюжину ирландцев.

В этот момент, в подтверждение его слов, африканец стремительно атаковал и нанес несколько быстрых ударов противнику в живот. Ирландец зашатался. Казалось, что он вот-вот упадет на колени. Фиппс торжествующе поднял вверх руку со сжатым кулаком.

Его собеседник пожал плечами:

— Возможно, это так, но люди хотят, чтобы победил ирландец. Слишком велики будут убытки, если победит другой.

— Вы совсем не разбираетесь в этих делах, мистер Брэндон? — раздраженно произнес мистер Фиппс.

— Не разбираюсь.

Тем временем ирландец нанес сильный удар противнику в челюсть, и африканец упал, корчась от боли. Толпа взревела, и даже бесцветный Фиппс тоже возопил. Брэндон не шелохнулся, его глаза

по-прежнему беспокойно выискивали кого-то среди зрителей.

— Вы единственный, кого я знаю, кто не получает удовольствие от такого задания, — понизив голос, заметил Фиппс. — Другим досталась работенка куда хуже, чем глазеть на хорошую драку.

Брэндон в ответ только издал короткий смешок. Фиппс покачал головой и вздохнул, неохотно отворачиваясь от борцов.

— Но где же Пирс?

— Вон он. — Брэндон движением головы указал на лысого человечка, стоявшего в толпе на другой стороне подвального помещения. — Он только что встретился с ними и забрал пакет. Заплатил монетой.

— А Блэквуды?

— У ринга, ближе к углу. — Брэндон бросил окурок и раздавил его каблуком. — Они много поставили на ирландца.

Фиппс кивнул:

— Хорошая работа.

Он приподнял кепку и вытер лоб — сигнал сразу же был принят его людьми в разных местах зала. Они с привычной сноровкой приблизились к трем уже названным мужчинам. Блэквудам и мистеру Пирсу предстояло провести ночь в Ньюгейте, хотя никто из них еще не догадывался об этом. Как и многих других, братьев Блэквуд сгубили азартные игры, но в отличие от обычных грешников они проматывали деньги банка, в котором оба служили. Организатором хищений скорее всего был Саймон Пирс, один из совладельцев банка. Его партнер, сэр Томас Бротон, хотел устранить Пирса, не предавая дело огласке, потому что это грозило бы ему разорением. За помощью он обратился к Джону Стаффорду, возглавлявшему суд магистратов

на Боу-стрит и являвшемуся тайным агентом министерства внутренних дел. Стаффорд отправил Брэндона узнать, каким образом Блэквуды передавали украденные ценные бумаги Пирсу.

Брэндон отошел от стены. Его работа была закончена.

— Остальное предоставляю вам.

Опустив голову, он стал пробираться к выходу из подвала.

— Минуточку. — Фиппс сунул ему в руку сложенную бумажку. — Мои соболезнования, — проворчал он.

Брэндон машинально зажал бумажку в кулаке и спрятал в карман. Что это? Он оглянулся на Фиппса, но тот уже скрылся в толпе, колыхавшейся вокруг ринга. Вдруг на противоположной стороне ринга началась потасовка. Она быстро разрасталась — все больше мужчин отворачивались от африканца и слабого ирландца и охотно присоединялись к дерущимся.

Его не интересовала драка. Ему вменялось в обязанность не спускать глаз с Блэквудов и Пирса, пока не подоспеет Фиппс, чтобы арестовать их. Его специальностью было наблюдение. Сейчас Фиппс и его люди должны были оттеснить проворовавшихся клерков и банкира туда, где их уже ждали, и никто из обезумевшей толпы не заметит случившегося, потому что всем уже будет не до этого.

Рев толпы, прерываемый ударами кнута, становился все громче. С помощью кнута организаторы боев тщетно пытались навести порядок. Брэндон

пробился к шаткой лестнице, быстро, перепрыгивая через две ступеньки, преодолел ее

и вышел в неопрятный трактир. Хозяин бросил на него подозрительный взгляд. Бои без правил, происходящие в его подвале, ни для кого не были секретом, но были незаконными. Губы Брэндона чуть скривились в улыбке — знал бы хозяин, что несколько сыщиков с Боу-стрит сейчас орудуют прямо здесь, в подвале. Вместо того чтобы уйти и тем самым подтвердить подозрения трактирщика, Брэндон перегнулся через стойку и поманил его.

— Когда этот африканец будет драться снова? Он сегодня существенно облегчил мой кошелек.

Лицо трактирщика уже стало не таким напряженным.

— В следующий четверг.

Брэндон что-то буркнул и бросил на прилавок несколько монет:

— Мне покрепче.

Он взял кружку с элем и отнес на маленький столик. В комнате было полно мужчин, они поднимались сюда, чтобы выпить, а затем опять возвращались в подвал, надеясь увидеть продолжение боя или следующий бой. Никто не обращал на него никакого внимания. Мало ли какой извозчик пропивает свой недельный заработок, прежде чем поплестись домой. Он надвинул на лоб кепку и притянул к себе угасающую свечу, прежде чем развернуть записку, которую передал ему Фиппс. Наверное, Стаффорд, не теряя времени, посылал его следить за кем-то, едва он успел закончить предыдущую работу.

Но в записке было не только это... Скамья царапнула по полу, когда он резко вскочил и поднес записку ближе к глазам. Бросив взгляд в сторону ступеней, ведущих в подвал, он

быстро скомкал бумажку, сунул в карман и направился к дверям, оставив почти нетронутым эль. Он широко зашагал по узким, петляющим улочкам Сент-Джайлса, перепрыгивая через сточные канавы и игнорируя призывные взгляды и назойливость проституток. По мере его продвижения на север здания становились больше и чище, неприкрытая бедность трущоб уступала место претензиям на социальный престиж. Здесь близко друг к другу располагались большие кирпичные дома, ступеньки были чисто подметены, перила покрашены, в темных окнах отражались уличные газовые фонари. В этих местах, конечно, тоже промышляли воров, но держались в тени.

Пройдя еще несколько улиц, Брэндон свернул в переулок и прошел к заднему крыльцу дома с длинной верандой. Дверь на ночь была надежно заперта, и он не пытался открыть ее. Вместо этого он уперся в нее рукой, взобрался на невысокие перила крыльца и дотянулся до края окна. Из ножен, висевших на ремне, он достал нож и просунул лезвие под раму поднимающегося окна. Он поработал лезвием, сумел немного приподнять раму и просунул пальцы в образовавшуюся щель.

Один сильный толчок — и рама скользнула вверх. Ухватившись обеими руками за подоконник, он втянул себя внутрь дома. Коснувшись ногами пола, он насторожился, но было тихо — он уже научился проделывать этот трюк почти неслышно. Ни один звук не выдал его присутствия в доме, хотя это не имело особого значения и просто тешило его самолюбие.

Хозяин оставлял окно открытым именно для того, чтобы Брэндон мог проникать в дом

незаметно для слуг. Оглядевшись, он закрыл окно и отправился на поиски хозяина.

Полоска света под дверью кабинета свидетельствовала о том, что сэр Джеймс Питербери еще не спал. Брэндон помедлил, прислушался, потом мягко повернул ручку двери и вошел в комнату.

— Черт! Что такое? — с тревогой воскликнул хозяин дома, вскочил, но, разглядев вошедшего, узнал и тут же успокоился. — Вы здорово испугали меня, дружище!

— Прошу прощения, — сказал Алек Брэндон.

Он вынул из кармана записку, которую передал ему Фиппс, и выразительно поднял руку с ней.

— Вы знали?

Джеймс посмотрел на записку, потом на Алека.

— Вы имеете в виду смерть вашего брата? — Джеймс, надо отдать ему должное, всегда соображал быстро. — Да, знал. Я хотел, чтобы вам сразу же сообщили, но они отказались, сославшись на то, что у вас очень важное задание.

Алек сел в кресло и опустил голову.

— Брат умер несколько месяцев назад, и мне никто не сказал. — Он ничего бы не смог изменить, но они обязаны были сообщить. Он провел рукой по векам, чувствуя, как ком подступил к горлу. — К черту все. Мне должны были сказать.

Джеймс сел в другое кресло, ближе к камину, и обратился к Алеку:

— Мать писала, что это была затяжная болезнь, начавшаяся еще зимой. Никто не думал, что это так серьезно, но ему становилось все хуже и хуже. Вы же знаете, Фредерик никогда не отличался крепким здоровьем.

Питербери давно уже не жил по соседству с семейством Алека, но их матери продолжали дружить и часто писали друг другу.

Алек кивнул, пряча свои чувства. В последнее время ему было не до старшего брата, но Джеймс был прав. Фредерик действительно не был таким физически крепким, как Алек, зато он всегда был мудрее, на него можно было положиться, и, что всего важнее, он всегда был на месте. Алек никогда не думал, что с Фредериком может что-то случиться.

— А что остальное семейство?

— Ваши матушка и сестра в полном здравии, так же как вдова Фредерика и его дети. — Джеймс откашлялся. — Насколько я понял, сейчас управляет поместьем ваш кузен. Похоже, что он считает себя наследником.

Алек знал, о чем думает Джеймс. Что кузен не может быть истинным наследником, если Алек жив. Но об этом знают лишь несколько человек. Для остального мира Александр Брэндон Хейз — предатель, погибший в битве при Ватерлоо, и его тело гниет в неизвестной могиле. Он поклялся, что не вернется домой, пока не докажет свою невиновность, но до сего момента ни ему, ни Джеймсу этого сделать не удалось. Пять лет Джеймс делал все, что было в его силах, чтобы установить, каким образом после Ватерлоо в вещах Брэндона оказались письма французского полковника, уличавшие Алека в измене. Но поскольку все считали Алека умершим, а он сам не хотел оказаться в положении обвиняемого в предательстве, Джеймсу приходилось действовать с величайшей осторожностью, но успеха

он так и не добился. Алек стал тайным агентом, надеясь, что служба при министерстве

внутренних дел облегчит его положение, но вот теперь ему, покрытому позором, придется вернуться домой — туда, где он не может прикрыться чужим именем.

Но раз Фредерика больше нет в живых, значит, автоматически главой семьи становится Алек. Джеймс стал бы утверждать, что это его обязанность и она перевешивает все остальное. Возможно, так и есть: наверное, он должен позаботиться о матери и сестре, о вдове брата и его детях.

— Я возвращаюсь в Марстон, — пробормотал Алек.

Лицо его друга засияло от удовлетворения.

— Я знал, что вы решитесь. Время пришло, а я обдумываю вашу ситуацию. Теперь Веллингтон стал главой картографической службы и в своем новом качестве гораздо больше занят политикой, чем былыми сражениями. Если мы добьемся встречи с ним и ваш новый начальник замолвит за вас слово...

— Веллингтон, который заявил, что он сам застрелил бы меня, если бы добрые французы не сделали этого? — Алек покачал головой. — Я не могу идти к Веллингтону без доказательств моей невиновности.

Джеймс замолчал. Они оба знали, что крайне трудно будет раздобыть доказательства невиновности Алека в ближайшее время.

— Все равно это правильно, — продолжил Джеймс. — Я имею в виду возвращение домой.

Алек вздохнул, затем протянул смятую записку, полученную от Фиппса.

— У меня нет выбора.

Его друг взял записку и прочитал ее. Стаффорд посылал Брэндона в Марстон не столько из чувства сострадания в связи со смертью Фре-

дерика, сколько для того, чтобы он отыскал пропавшего человека. Сержант Джордж Тернер отправился в Лондон, чтобы встретиться с полковником лордом Хейстингсом, заместителем начальника военно-торговой службы, да так и не вернулся в Марстон. Он отсутствовал уже почти четыре месяца, и его дочери обратились к Хейстингсу, который, в свою очередь, попросил Стаффорда разобраться в этом деле. Еще одно поручение для агента, специализирующегося на слежке, самое заурядное. Только короткая приписка в самом низу: «С прискорбием сообщая вам о смерти Фредерика Хейза минувшей весной» — свидетельствовала о том, что Стаффорд понимал, куда отправляет Алека. Это тот самый город, где его сразу узнают, будут презирать и всячески оскорблять.

— Он жесткий человек, — прокомментировал Джеймс. — Кто этот сержант Тернер, которого вы должны найти?

— Представления не имею.

Как обычно, Стаффорд почти не давал ему никакой информации. Он часто вынуждал Алека действовать практически вслепую, рассчитывая на то, что тот сам быстро сориентируется на месте. А после того как Алек сообщал ему, как обстоят дела, Стаффорд уже мог эффективнее использовать других агентов. Алек привык к этому. Почти то же самое было и в армии. Он помогал провести разведку пути для передвижения войска Веллингтона через Испанию и Португалию. Неужели, думал Алек, он не заслужил, чтобы его хотя бы выслушали?

12 — Хотел бы я знать, что сделал этот Тернер, — рассуждал Джеймс. — Хейстингс гор-

дец. Не понимаю, зачем ему нужно было встречаться с простым сержантом.

Он тоже задумывался над этим, но Стаффорд был не прочь оказывать услуги влиятельным лицам, и Хейстингс был из их числа. Алека больше интересовало, почему Стаффорд выбрал именно его для выполнения этого задания. Нечего было и думать, чтобы представиться старым знакомым, разыскивающим армейского друга, или служащим Челсийского инвалидного дома, в Марстоне, где его все знают в лицо. Ему придется возвращаться только под своим именем, а это многократно все усложнит.

— Не важно, что он совершил и кто он такой на самом деле. По какой-то причине Хейстингс хочет его найти, и для Стаффорда этого достаточно. Я бы вообще не стал размышлять над этим, если бы пропавший Тернер был не из Марстона. — Алек забрал записку. — Стаффорд мог бы по крайней мере объяснить хоть это.

— Вы... хотите отказаться? Я считаю, что вам нужно поехать в Марстон, но, возможно, не так...

Алек пожал плечами. Джеймс считал, что ему не следует возвращаться домой в качестве агента Стаффорда, и вполне обоснованно.

— А у меня есть выбор? Кто еще может дать мне шанс?

— Вдруг это означает, что он что-то узнал? — Его друг выпрямился в кресле. — Похоже, старый хрен держит это при себе, чтобы выжать из вас как можно больше. Но он знает ваше положение и обещал сделать все, чтобы восстановить ваше доброе имя. Это, — Джеймс указал пальцем на записку, — должно означать, что пришло время вам возвращаться

домой. Так он считает. Он никогда бы не пожертвовал одним из своих лучших агентов без веской причины.

Алек промолчал. Джон Стаффорд и Фиппс действительно знали, кто он, когда брали его на работу в качестве тайного агента, и действительно обещали сделать все, что в их силах, чтобы помочь ему. Но то, что его отправляли домой при существующем положении вещей, вряд ли могло пойти ему на пользу. У него мелькнула мысль: может быть, Стаффорд пришел к убеждению, что он виновен? Но тут же напомнил себе: Стаффорд жесткий человек, в этом случае он не стал бы иметь с ним дело. Если бы Стаффорд считал его предателем, он сейчас был бы уже мертв, а не получал новое задание. Могло ли у Стаффорда появиться доказательство того, что он не был в тайном сговоре с французами? Должен же он иметь возможность оградить Алека от ареста на тот случай, если его узнают. Знал ли он на самом деле нечто такое, о чем догадывались другие?

Вряд ли.

— Не могли бы вы написать моей матери? — спросил Алек. — И сообщить ей... — Он заколебался. Было бы несправедливо просить Джеймса объяснять его поступки. — Чтобы она ждала меня?

— Разумеется.

Сердце Алека тревожно сжалось. Сможет ли он? Что могут подумать о нем в семье — сначала о его исчезновении, потом о возвращении? Как они жили все это время без него? Он так долго мечтал о возвращении домой, но хотел вернуться свободным человеком, а не тайным агентом.

— Я завтра же отправлю письмо, — пообещал Джеймс и окинул Алека невеселым взглядом. —

14 Что-нибудь еще? Попросите, не стесняйтесь.

Будто он мало для него уже сделал. Джеймс пове­рил ему, когда он сказал, что не совершал предатель­ства, помог выбраться из Бельгии под носом у ан­глийской армии, снабдил его одеждой и деньгами на то время, пока он залечивал раны, полученные при Ватерлоо, а потом нашел ему не вполне респек­табельное место тайного агента. Алек вдруг ощутил бремя верности этой дружбе. Если он не сможет до­казать свою невиновность, это очень плохо скажется на Джеймсе.

Но Джеймс — все, что у него осталось. Алек часто думал о том, что другой его друг детства, Уилл Лейси, тоже не отвернулся бы от него, но, к сожалению, он погиб под Ватерлоо. Без Джеймса Алек был бы уже мертв, в этом не было никаких сомнений.

— Я отправлюсь в конце недели, — сказал он, поднимаясь и протягивая руку. — Спасибо за все.

Джеймс пожал ему руку.

— Обещайте мне одну вещь.

Алек вопросительно поднял брови.

— Когда вы найдете подонка, который писал те письма французам, сообщите мне. Я хочу увидеть, как его вздернут.

— В этом можете не сомневаться, — пообещал он.

Его друг не улыбнулся.

— Не хотите погостить у меня до отъезда? У вас измученный вид.

— Неудивительно, — криво улыбнулся Алек. — Раз­ве не так должны выглядеть восставшие из мертвых?

Глава 1

Пенфорд, казалось, мало изменился. Трехэтажное здание из белого камня, величественного вида, но уютное, крыша с крутыми скатами, с которой однажды, когда выпало особенно много снега, он съехал на санках. Парк вокруг дома выглядел неухоженным, будто садовник пренебрегал своими обязанностями, но на самом деле так было задумано. Его мать хотела, чтобы все было похоже на природный ландшафт и выглядело естественно. Детям это тоже нравилось, они часами носились по рощам, в то время как взрослые думали, что они заняты учебой.

Пенфорд остался таким, каким он его помнил, будто он только вчера покинул отчий дом. Алек заерзал в седле, устыдившись, что подсознательно ожидал увидеть признаки упадка. Но как оказалось, все было как всегда, по крайней мере на расстоянии. Так что дом, похоже, по-прежнему оставался надежным пристанищем для остальных членов его семьи, и это его немного утешало.

Он надеялся, что его появление никак не скажется на надежности этого дома.

Алек взялся за поводья и медленно поехал вперед. У него была целая неделя, чтобы подготовиться к этому важному дню. Он мечтал об этом пять лет.

16 Особой радости не было. Он пустил лошадь

шагом и попытался справиться с внезапным волнением и желанием вернуться назад, на постоянный двор, где провел предыдущую ночь, или даже обратно в Лондон. Он послал письмо, известив о своем приезде, и Питер-Бери тоже написал его матери. Даже если бы у него не было задания от Стаффорда, Алеку все равно ничего не оставалось бы, кроме как ехать к дому.

Когда он подъехал ближе, из дома кто-то вышел. Этот человек прикрыл ладонью глаза и какое-то время наблюдал за Алеком, потом спустился на дорожку, посыпанную гравием, и пошел навстречу. Полы его плаща развевались от быстрой ходьбы. Когда они поравнялись, Алек остановил лошадь и заглянул в пытливые, настороженные глаза своего кузена Джона.

Какое-то время они молча разглядывали друг друга. Джон стал выше и крепче, его светлые волосы были коротко подстрижены, лицо от длительного пребывания на солнце приобрело красноватый оттенок. Одет он был как все живущие в деревне сквайры и производил впечатление трудолюбивого землевладельца. «У него честное лицо», — подумал Алек, хотя в данный момент оно выражало только откровенное удивление.

— Алек? Александр Хейз? — медленно, с трудом выговорил Джон. — Это в самом деле вы?

Отрицать было бессмысленно и отступать некуда. Он спрыгнул с седла.

— Рад видеть вас, Джон.

Светло-зеленые глаза Джона скользили по нему вверх-вниз.

— Боже мой, — тихо произнес он. — Вы, это действительно вы.

Рука Алека сжала поводья.